

КРОКОДИЛ

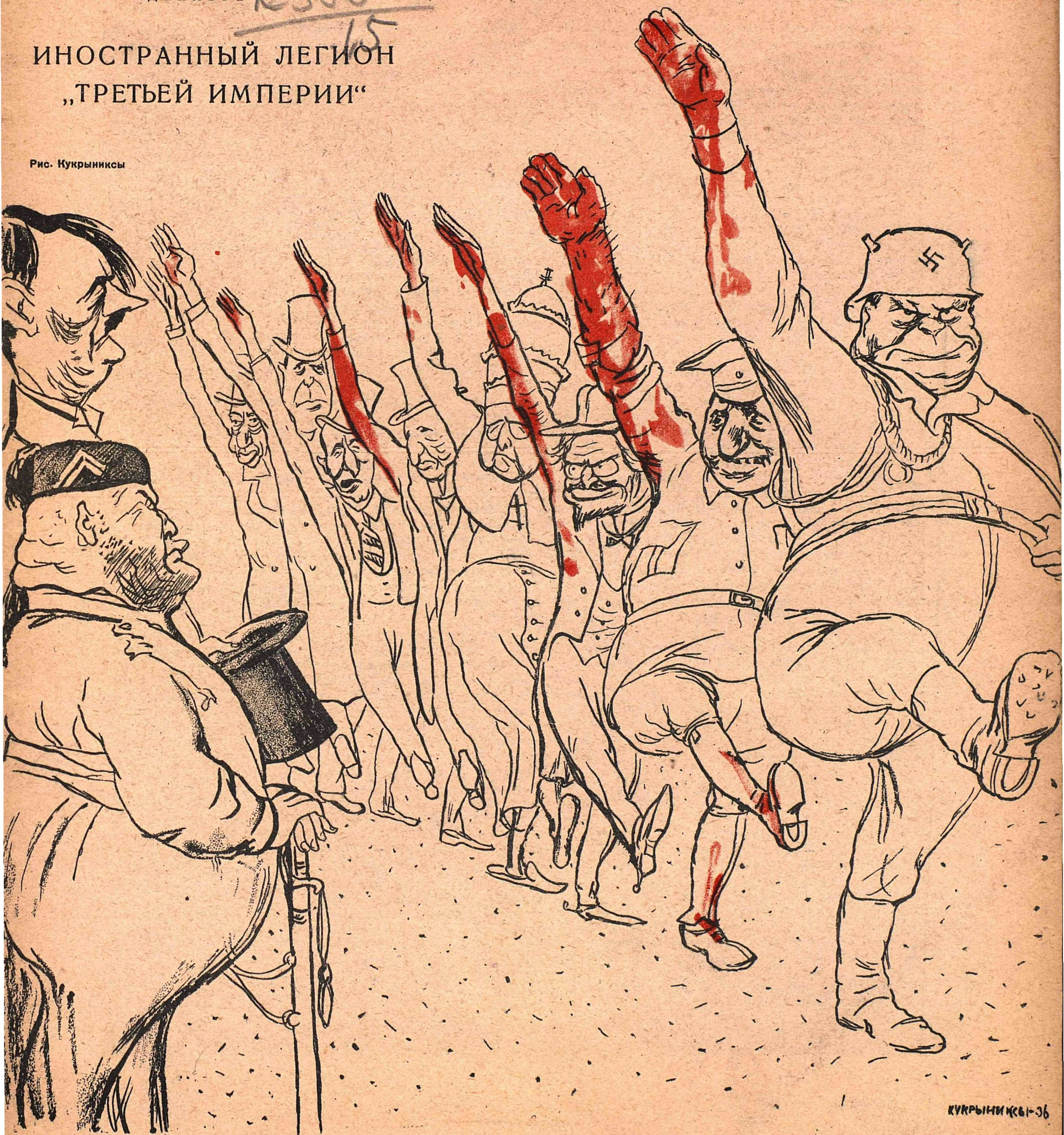
№ 35 ДЕКАБРЬ

12576

МОСКВА 1936

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН „ТРЕТЬЕЙ ИМПЕРИИ“

Рис. Кукрыниксы

КУКРЫНИКСЫ-36

— Геринг? — Здесь! — Франко? — Здесь! — Троцкий? — Здесь! — Папа? — Здесь!
 — Гранди? — Здесь! — Де ля Рок? — Здесь! — Херст? — Здесь! — Бек? — Здесь!
 — Дорио, Кьяпп, Мосли, Хирота, Цанков? — В служебной командировке!..

В ПОТЕМКИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Юлиус Пфеффер, видный сотрудник почтенного германского журнала, близкого самому Геббельсу и далекого каждому порядочному человеку, сидел в кабинете редактора и внимательно слушал своего шефа.

— Дорогой Пфеффер,—говорил редактор, потирая арийское темя,—заметили ли вы, что наш журнал не имеет успеха у читателей? Чем вы это объясняете?

— Подпольными происками марксистов,—твердо сказал Юлиус Пфеффер.

— Нас никто не слушает, Пфеффер. Можно говорить прямо. Впрочем, я сам скажу. Нельзя в каждом номере долбить одно и то же: «кушать много масла вредно, иметь много пушек полезно». Скучно это. Придается.

— Масло никогда не придается,—лирически вздохнул Юлиус Пфеффер.

— Я не о масле, Юлиус, и о материале. Нужна сенсация. Гвоздь номера. Шлагер.

— По евреям разве ударить?

— Уже ударили. Скучно. Читатель больше не клюет на евреев... Слушайте, Пфеффер: не отправиться ли вам в Советский союз посмотреть потемкинские деревни? Вы, кажется, знаете русский язык?

Юлиус Пфеффер гордо выпрямился на своем кресле:

— Я есть классический знаток русской жизни. До войны я работал в России от компании Зингер.

— Вот и прекрасно! Зайдите в министерство пропаганды, вам расскажут, как нужно описывать эти самые деревни. Кстати, вы знаете, кто такой Потемкин?

— Презренный марксист. Посол большевиков в Париже.

— Это другой Потемкин, Пфеффер. Наш Потемкин — фаворит русской императрицы Екатерины II, чистой арийки из Гольштинии. Когда она приехала в Новороссию, Потемкин показал ей богатые деревни и нарядных поселян. Все это было декорацией, но императрица осталась довольна, и Потемкин как генерал-губернатор Новороссии получил щедрую награду. Вы понимаете, к чему я клоню?

— Понимаю. Вы обещаете мне столь же щедрый подарок, если я покажу, что большевики тоже строят потемкинские деревни и показывают их иностранцам.

— Правильно, Пфеффер.

— Теоретически это доказать нетрудно. Ведь большевики сами говорят, что не отказываются от классического наследия. Классический опыт Потемкина...

— Практически это надо доказать, Пфеффер. Отправьтесь в поездку завтра же. До свидания. Добрый путь. Как это сказать по-русски: добрый путь?

— Золфетушкой дорожка!

— Золфетушкой дорожка, Пфеффер! Хайль!

Через месяц после вышеописанного разговора Юлиус Пфеффер сидел в номере гостиницы «Интурист» в одном южном городе и, сопя, сочинял пятую по счету зашифрованную телеграмму в берлинскую редакцию. Титанические поиски потемкинской деревни пошли на пользу Юлиусу. Радабравший на советском масле и икре, он был свеж и розов как бывшая ветчина его родной Вестфалии.

«Пока доказательства не имею тчк,—писал Юлиус Пфеффер.—Продолжаю поиски тчк Вчера отправил редакции большую продовольственную посылку русскими деревенскими продуктами тчк Прошу продлить интересную командировку».

В тот же день Юлиус Пфеффер поехал на автомобиле осматривать близлежащую кубанскую станицу.

Шагая по широкой станичной улице и поглядывая на опрятные домики с нарядными ставнями, Юлиус размышлял:

— Хорошо им там, в Берлине, сочинять «потемкинские деревни», пусть попробуют их здесь поискать. Правда, я ничего не имею против еще поехать, потому что в этих большевистских селах очень вкусные гуси, молоко и масло, но ведь не могу я вернуться в Берлин с пустыми руками. Где же, где найти доказательства?

Так размышляя, Юлиус Пфеффер столкнулся лицом к лицу с подростком, одетым в черную черкеску и шапку-кубанку с алым верхом.

— Извиняйте меня,—сказал Юлиус, вежливо приподняв шляпу.—Отвечайте мне, когда этот красивый дом есть построен?

— Ясли-то? — кивнул подросток в черкеске на новый дом со свежепокрашенной зеленой крышей.—Дня, мабуть, три—четыре, як построены.

Юлиус Пфеффер насторожился.

— О, это есть очень хорошо. Отвечайте мне, когда вам этот красивый одежда есть выдан?

— Вчера батька привез. Я в хоре спиваю. Мы, казаки, усе чисто хворму поодевали.

Юлиус Пфеффер весь затрепетал от радостного возбуждения.

— Какое есть название вашего поселения? — сказал он вкрадливо.

— Колхоз наш як зовется? Колхоз наш потемкинским зовется.

— Доннер веттер! Как?

— Имени Потемкина, кажу. Мы туточки усе чисто потемкинцы... Тю!.. Як он сиганул!

Добежав до машины, Юлиус Пфеффер, не помня себя от радости, упал на кожаные подушки и крикнул шоферу.

— Скорее в город!

Вечером в Берлин за подписью Юлиуса Пфеффера ушла новая зашифрованная телеграмма.

— Нашел тчк Имею неопровержимые доказательства тире признание самих поселян тчк Материал высылаю завтра.

В тот же вечер подросток в черкеске, стоя на крыльце дома с вывеской «Правление колхоза имени броненосца «Потемкина», рассказывал казачатам:

— Я ему кажу: мы туточки усе чисто потемкинцы. А он, подлюка, як сиганет от мене и побег до своей машины. У него винта у голови не зватае, чи шо!

Прошло несколько дней. Как-то, просматривая колхозную хронику в местной газете, Юлиус Пфеффер с большим удивлением узнал, что его «потемкинцы» первыми закончили уборочную. Пришлось нырять в энциклопедический словарь и находку пополнять свои сведения по русской истории. Огорченный Юлиус хотел было отправить в Берлин телеграмму с просьбой задержать печатание его материала, но потом подумал, что лучших доказательств он все равно не найдет и, махнув рукой, стал собирать чемоданы.

За этим занятием его застал посыльный отеля с телеграммой из Берлина. Юлиус Пфеффер распечатал бланк и прочел зашифрованные строки:

— Материал печатаем очередном номере тчк Продовольственную посылку получили тчк Масло очень хорошее тчк Редактор вчера выехал Советский союз тчк Тоже хочет побывать потемкинской деревне.

Юлиус Пфеффер самодовольно подмигнул самому себе в зеркале.

М. ДЕНИСОВ

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ КОЛХОЗНИКА ИВАНА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА

ИЛИ

Рис. Л. Генча

Отец советской интеллигенции

П О М И Н К И

Не так давно скончался один милый человек.

Конечно, он был незаметный работник. Но когда он, как говорится, закончил свой земной путь, о нем многие заговорили, поскольку это был очень славный человек и чудный работник своего дела.

Его все очень расхвалили и заметили после его кончины.

Все обратили внимание, как он чистенько и культурно одевался. И в каком порядке он держал свой станок: он пыль с него сдувал и каждый винтик гигроскопической ваткой обтирал.

И, вдобавок, он всегда держался на принципиальной высоте.

Этим летом он, например, захворал. Ему худо стало на огороде. Он в выходной день пришел на свой огород и там что-то делал. Ухаживал за растениями и плодами. И вдруг ему приключилось худо. У него закружилась голова, и он упал.

Другой бы на его месте закричал: «Накапайте мне валерианки!» или «Позовите мне профессора!» А он о своем здоровье не тревожился. И, упавши, сказал: «Ах, кажется, я на грядку упал и коротельку помял».

Тут хотели за врачом побежать, но он не разрешил отнимать от дела рабочие руки.

Но все-таки его отнесли домой, и там он под присмотром лучших врачей хворал в течение двух месяцев.

Конечно, ему чудные похороны закатали. Музыка играла траурные вальсы. Много сослуживцев пошло его провожать.

Очень торжественные речи произносились. Хвалили его и удивлялись, какие бывают на земле люди.

И под конец один из его близких друзей, находясь около его вдовы, сказал:

— Которые хотят почтить память своего друга и товарища, тех вдова просит зайти к ней на квартиру, где будет подан чай.

А среди провожающих был один из его сослуживцев, некто М. Конечно, что М. особенно хорошо не знал усопшего. Но пару раз на работе его видел.

И теперь, когда вдова пригласила зайти, он взял и тоже пошел. И пошел, как говорится, от чистого сердца. У него не было там каких-нибудь побочных мыслей. И на поминки он пошел не для того, чтобы заправиться. Тем более сейчас никого едой не удивишь. А он пошел просто идейно. «Во, подумал, такой славный человек, дай, думает, зайду, послушаю воспоминания его родственников и в тепле посижу».

И вот, значит, вместе с одной группой он и пошел.

Вот приходит все на квартиру. Стол, конечно, накрыт. Еда. Пятое-десятое.

Все разделись. И наш М. тоже снял с себя шапочку и пальто. И ходит промежду горящих родственников, прислушивается к воспоминаниям.

Вдруг к нему в столовой подходят трое:

— Тут, говорят, собравшись близкие родственники. И среди них вы будете чужой. И вдова расценивает ваше появление в ее квартире как нахальство. Наденьте на себя ваше пальто и освободите помещение от вашего присутствия.

Тому, конечно, даже неприятно становится от этих слов, и он начинает им объяснять, дескать, он пришел сюда не для чего-нибудь другого, а по зову своего сердца.

Один из них говорит:

— Знаем ваше сердце — вы зашли сюда погреться, и тем самым вы оскорбили усопшего. Выскакивайте пудей из помещения, а то вы в такой момент снижаете настроение у друзей и родственников.

И с этими словами он берет его пальто и накидывает на его плечи.

А другой знакомый хватает его фуражку и двумя руками напяливает ее на голову так, что уши у того мнутя.

Нет они, конечно, его не трогали, и никто из них на него даже не замаяхнулся. Так что в этом смысле все обошлось до некоторой степени культурно. Но они взяли его за руки и вывели в переднюю. А в передней родственники со стороны вдовы немного на него поднажали и даже один из них слегка поддал его коленкой. И это было тому скорее морально тяжело чем физически.

В общем, он, мало что соображая, выскочил на лестницу с обидой и досадой в душе.

И он три дня не находил себе покоя.

И вот вчера вечером он пришел ко мне.

Он был расстроен, и у него от обиды подбородок дрожал и из глаз слезы капали.

Он рассказал мне эту историю и спросил, что я насчет этого думаю.

И я, подумавши, сказал:

— Что касается тебя, милый друг, то ты совершил маленькую ошибку. Ты зашел туда по зову своего сердца. И в этом я тебе верю. Но вдова имела в виду только близких и знавших ее супруга хорошо. Вот если бы тебя завод пригласил на вечер его памяти и оттуда тебя бы выкурили и назвали чужим, — вот это было бы удивительно. И в этих тонкостях следует всегда разбираться. Но что касается их, то они с тобой поступили грубо, нетактично и, я бы сказал, некультурно. А что один из них напялил на тебя фуражку, то он попросту свинья, и ну его к чорту, дурака!

Тут сидевший у меня М. немного даже просиял. Он сказал:

— Теперь я понимаю, в каком смысле они меня назвали чужим. И все остальное меня теперь не волнует.

Тут я пожал ему руку. Подарил ему книгу. И мы расстались лучшими друзьями.

И когда он ушел, я подумал о том, что те же самые люди, которые так грубо выперли его, наверно, весьма нежно обращаются со своими машинами. Наверно, берегут их и лелеют. И уж во всяком случае не вышвырнут их на лестницу, а на ящике при переноске напишут: «Не бросать!» или «Осторожно!»

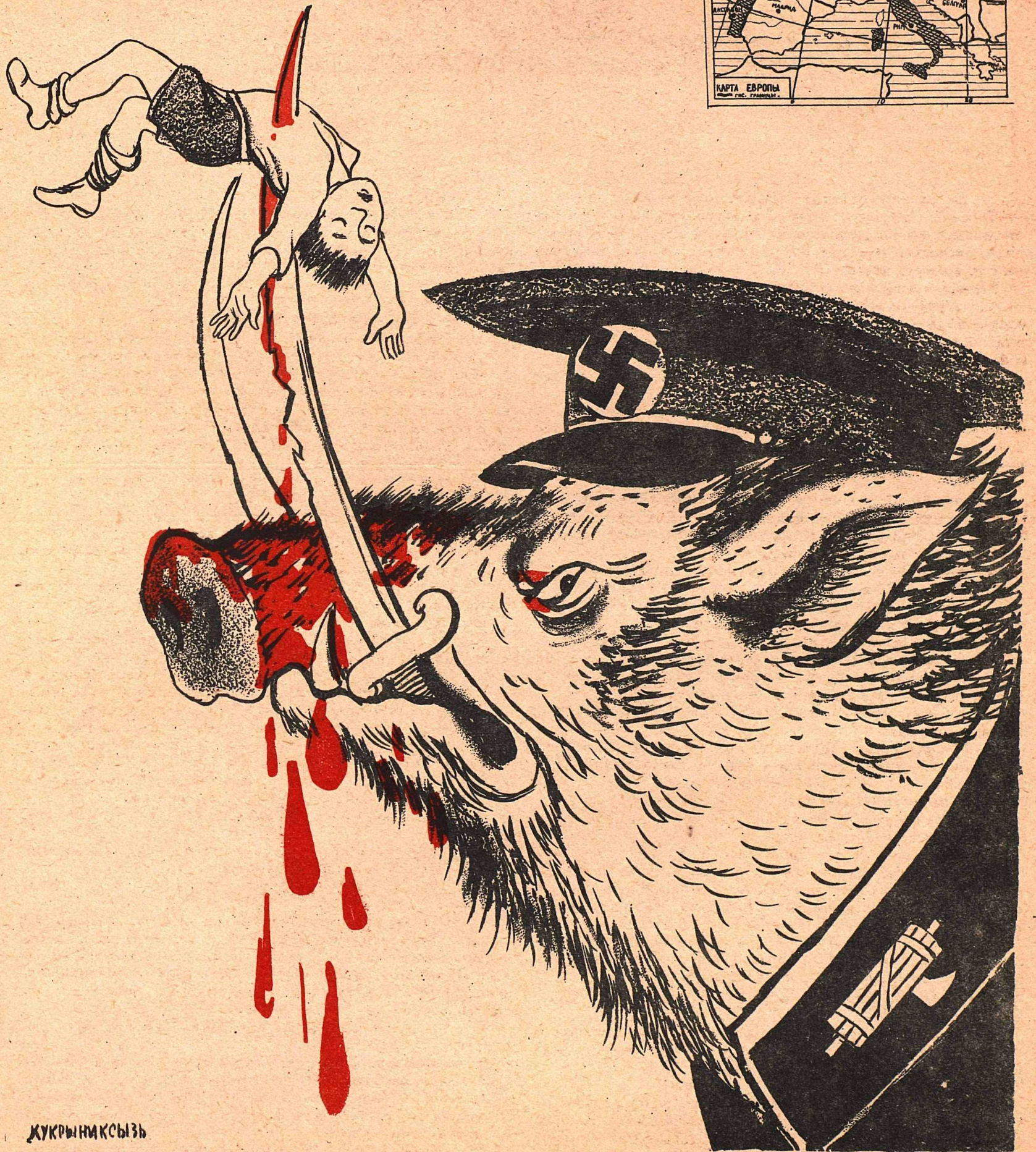
Об этом, друзья, я как-то раз писал, но вот еще раз вспомнил.

Засим я подумал, что не худо бы и на человечке что-нибудь мелом выводить. Какое-нибудь там петушиное слово: «Фарфор!», «Легче!» Поскольку человек — это человек, а машина его обслуживает, и, значит, он до некоторой степени ничуть не хуже ее.

И, подумавши об этих делах, я решил для поучения записать этот фактический рассказ. И вот он перед вами.

Мих. ЗОЦЕНКО

Рис. Кукрыниксы

КУКУРЫНИКСЫ

Дикий кабан (*sus scrofa fashistus*) и пояс его распространения

КАНИТЕЛЬ

Началось с того, что хозяйка дома, Надежда Андреевна, забыла, как звали «старшего богатыря... ну, этого... ихнего бригадира».

Гости стали ей подсказывать.

— Микула Селянинович!

— Змей Тугаринович.

— Да нет, короткое такое имя, без отчества, — сказала Надежда Андреевна, — не мешайте мне, я сейчас вспомню.

Гости почтительно замолчали.

— Но я же отлично помню. Он на колеснице по небу катался и гром делал.

— Ты немножко спутала, Надюша, — мягко заметил Николай Михайлович, муж хозяйки дома. — Бригадиры, то есть я хотел сказать богатыри, производством грома не занимались. Гром делал Илья Пророк...

— Илья Муромец, старший богатырь, — радостно перебила его Надежда Андреевна. — Бородатый такой. Крайний слева в Третьяковке.

Посмеялись, поострились. Потом пожилой инженер, Василий Николаевич, сказал:

— Это чепуха, конечно, что Надежда Андреевна спутала Илью Пророка с Ильей Муромцем. А вот если устроить сейчас для всех вас экзамен по русской истории — воображаю, как бы вы провалились. С треском!

— Это очень интересно, — обрадовалась Надежда Андреевна. — Давайте в самом деле устроим экзамен. Василий Николаевич, голубчик, задавайте вопросы.

— Извольте, — согласился инженер и, строго оглядев сидевших за столом, обратился к бледному юноше, родственнику хозяйки дома, которого все звали Шурочкой.

— Вот вы, молодой человек, скажите нам, кто были Минин и Пожарский?

— Феодаты они были, — убежденно сказал Шурочка.

— Плохо, молодой человек. Разве мясник Минин — феода? Какую исторически они играли роль в образовании и укреплении Московского государства: положительную или отрицательную?

— А пес их знает, какую, — вдруг обиделся Шурочка, — я про Пожарского только то знаю, что он родоначальник котлет. Мы историю иначе проходили. Вы меня спросите про крестьянские движения, я вам так начну чесать, что и не остановите.

— Ладно. Расскажите про движение Разина.

Шурочка откашлялся и бодро начал:

— Во время Разина стал развиваться торговый капитал. Вместе с ним развивалась Волга. Она была великим торговым путем. По берегам Волги развивалось помещичье землевладение, в связи с чем развивалась крестьянская нищета. Развиваясь, она, нищета эта самая, столкнулась с развитием казацкой вольницы. Они стали развиваться вместе и...

— Довольно. Какой царь казнил Разина?

— Иван.

— А по отчеству?

— Иванович.

— А по фамилии?

— По фамилии... этот... Борис Годунов.

— Здорово! Значит, по-вашему, Разина казнил Иван Иванович — Борис Годунов. Двойная фамилия. Садитесь, молодой человек. Два с минусом.

— Провалился, провалился! — закричала Надежда Андреевна.

— Я по книжке прямо шарил, — сурово сказал Шурочка, — можете проверять. Слово в слово, как одна копейка. А что я царя не помню, это неважно. Царь — это деталь.

— Провалился, Шурка! Не спорь! Теперь Юличку спросите, Василий Николаевич. Она у нас умная, она все знает.

Василий Николаевич подумал и, остановив свой взор на шумной брюнетке, пившей чай с таким видом, будто она этим делает величайшее одолжение хозяевам, спросил ее:

— Кто царствовал после Петра I?

— Петр II, — спокойно ответила Юличка.

— А после Петра II?

— Петр III.

— А после Петра III?

— Четвертый царствовал, Петр.

— Больше вопросов не имею, — усмехнулся инженер Василий Николаевич. — Юлии Сергеевне так нравится имя «Петр», что задавать дальше вопросы — нет смысла. Этак мы до Петра XV дойдем. Надежда Андреевна, кто такой Тушинский вор?

Надежда Андреевна мило улыбнулась.

— Он мне нарочно как хозяйке задает легкий вопрос.

Ну это вор такой, знаменитый, вроде багдадского.

— Значит, по-вашему, он таскал пироги на Тушинском базаре?

— Я не знаю, что именно он таскал, — сухо заметила Надежда Андреевна, — я тогда в уголовном розыске не работала. Но ведь вы сами говорите, что он вор.

Инженер Василий Николаевич схватился за голову.

— Тушинский вор, Надежда Андреевна, это второй Лжедмитрий, — сказал он трагически, — он Москву осаждал, ему поляки помогали.

— Разве? Значит, я тоже провалилась. Умоляю, дайте мне переэкзаменовку. Спросите меня еще что-нибудь, Василий Николаевич.

— Хорошо. Кто такие варяги?

Надежда Андреевна бурно возмущилась.

— Смотрите, что он делает. Про одного вора спросил, теперь опять про каких-то воряг спрашивает.

— Не воряг, а варягов, Надежда Андреевна.

— Гм!.. Все равно не знаю. Ни через «о», ни через «а». Сдаюсь!

— Варяги — это представители западного торгового капитала. Они развивались в древнее время, — холодно заметил Шурочка.

— Не спрашивайте их больше, Василий Николаевич, — сказал молчавший до сих пор Николай Михайлович, муж хозяйки дома, — они люди молодые. Откуда они могут знать прошлую историю России. Ведь они учились по учебникам, в которых даже про Петра I только и было сказано, что он болел сифилисом, пил водку, а в промежутки между выпивками терзал стрельцов и убивал сыновей. А вы сами-то знаете историю?

— Думаю, что знаю, — гордо ответил Василий Николаевич. — Ведь я даже не реальное, а гимназию окончил.

— Посмотрим. В каком году было крещение Руси?

— В 981.

— Так. Как фамилия военного министра при Николае I?

— Граф Чернышев.

— Правильно. А в каком году основан Санкт-Петербург?

— В 1703 году.

— Дайте-ка я его спрошу, — вдруг хищно сказал Шурочка. — Василий Николаевич, что такое медный бунт?

— Бунт такой. Медный.

— Плохо, Василий Николаевич. Когда он развивался?

— Медный бунт?

— Да, да, медный.

— Медный бунт... Медный всадник... При Петре I.

— Плохо, Василий Николаевич. Он развивался в допетровскую пору, при Алексее Михайловиче. Его экономические причины?

— Причины?

— Да, да, экономические причины.

— А чорт его знает, какие. Это неважно. Это деталь исторического процесса. А вот вы мне лучше скажите, молодой человек, какой иностранец был советником при Анне Иоанновне?

— Иностранец?!

— Да, да, иностранец. Интурист.

Шурочка подумал и сказал:

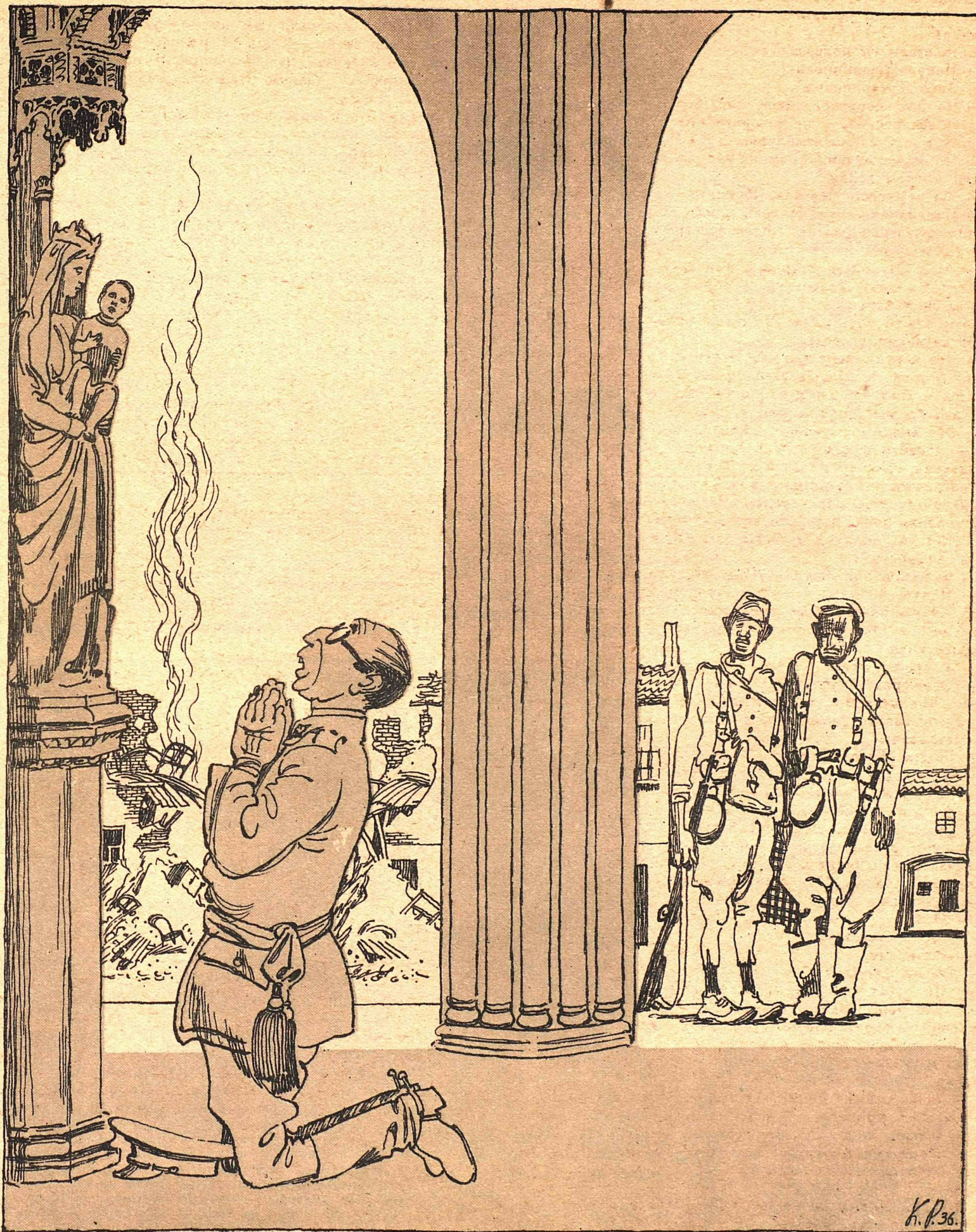
— При Анне Ивановне этот... развивался... Фридрих Барбаросса.

— Кончайте, товарищи, вашу канитель. Вам всем нужно изучать историю заново, — заключил хозяин дома и как бывалый стрелочник перевел беседу на другие темы.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА

Рис. К. Ротова

ПЕРВЫЙ МАРОККАНЕЦ:—Смотри! Генерал Мола молится на женщину с ребенком.
ВТОРОЙ МАРОККАНЕЦ:—Еще бы! Это его любимая мишень.

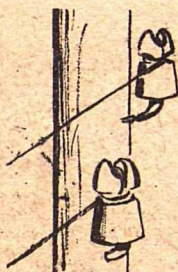
Дневник Крокодила

Мои сомнения и мысли на досуге—
Все, что видал, слышал и вычитал
из книг.
Спокойно, просто, без натуги
Я заносить решил в дневник.

О одиночество! Каким ты полно
ядом!
Как человек проклятья шлет
судьбе,
Когда, смотря вокруг пытливым
взглядом,
Не видит никого, подобного себе.
О мой несчастный, одинокий брат!
Так я вздыхал, прочтя в послед-
ней почте
Известье, что на целый Сталин-
град
Имеется один извозчик.

Хорош сей факт или нет? Я в
бой с плеча не ринусь.
Есть автотранспорт—плюс. А ес-
ли нет—то минус.

О техники великой чудеса!
Хотя бы телеграф. Подумать, кро-
ме шуток:
Депеша мчит сквозь горы и леса
Из Харбина в Москву—за пол-
часа.
А от почтамта к адресату—трое
суток.
Я думаю, я буду прав, сказав,
Что всех чудес чудесней—теле-
граф!

В мягком вагоне на всех парах
Мчатся в Москву семь парней в
свитерах.

Пусть, как сказал великий гений,
Он мне послужит на предмет
«Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет».
КРОКОДИЛ

В багажном—к хвосту состава
ближе—
В ту же Москву же едут их
лыжи.
Что ж это такое?
Эх, голова!
Лыжный пробег Тетюши—Москва.

У режиссера поселилась дама.
И вот, хотя сей режиссер женат,
В семье не чаёт в ней души и
стар и млад.

Кто ж это? Тетя?
Нет.
Самореклама.

Комната в десять квадратных мет-
ров.
Открыта для сырости и для ветра,
Узкий, пожарно-опасный проход.
Как сельди в бочке толчется на-
род.

Да знает ли домоуправление,
Что это—просто преступленье?
Неужели граждане это снесут
И не подадут на домком в нар-
суд?

Тише! Не надо на стенку лезть:
Комната эта—нарсуд и есть.

ЧЕСТНАЯ БОРЬБА

Рис. Л. Генча

— Давай будем бороться. Ты будешь фашистом, а я рес-
публиканцем, и я тебя поборю!
— А если я тебя поборю?
— Тогда ты будешь республиканцем, а я фашистом.

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ!.. ПЛАНОВЫЕ НАРЫВЫ

Начальник транспортного цеха завода имени Петровского (Донбасс) получил от председателя завкома тов. Тищенко нижеследующий официальный документ для неуклонного руководства и исполнения:

«Задание по заболеваемости на сентябрь м-ц 1936 года по цеху транспорта.

1. малярия	— 2 случая
2. нарывы	— 2 »
3. желудочи. бол.	— 1 »

Пред. завкома Тищенко.

О болезнях головы (неврастении и т. д.) как же стоящих серьезного внимания не сказано ни слова. Очевидно, потому, что тов. Тищенко в своей повседневной работе прекрасно обходится без этой традиционной части тела.

САМЫЙ ПРЕКРАСНОДУШНЫЙ

Кто самый прекрасодушный, самый гуманный из директоров совхозов? Конечно, тов. Дзирланк, директор Новоаимского зерносовхоза (Омской обл.). Подтверждаем это выпиской из распоряжения № 113 по упомянутому совхозу:

«§ 1.

Управляющий 2-го отделения тов. Щербаков С. В. при поездке к озеру, расположенному на территории отделения, где купались ребята из 3-го отделения зерносовхоза: Рудаковы, Трунев, и др.,— без всяких причин и оснований допустил нетактичное поведение: бросил десятилетнего Рудакова в воду, который промок и запачкался грязью, а Труневу нанес легкий удар прутьем и остальных разогнал с озера. За допущенные грубости с ребятами, мирно купавшимися на озере, управляющего 2-го отделения тов. Щербакова предупреждаю, чтобы впредь подобных явлений не допускать.

Директор Дзирланк.

Счастье Щербакова, что он, избив ребятшек и побросав их в воду, никого все же не изувечил до смерти. А то это, безусловно, было бы в приказе расцениено не как нетактичное поведение, а минимум «как грубость на грани хулиганства». И тогда не миновать бы ему выговора.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ПРИЯТНО ВСПОМНИТЬ

Приводим снимок, помещенный недавно в германском военном журнале «Эренкрейц» по поводу двадцатилетия вторжения немецких полчищ в нейтральную тогда Бельгию.

На снимке: отряд оккупантов перед брюссельской ратушей.

Фашистские генералы до сих пор с удовольствием вспоминают эти сладостные дни и готовы их повторить в ближайшем будущем. Что же касается бельгийских дипломатов, то те постарались начисто забыть печальный опыт 1914 года и сейчас принимают всевозможные меры для того, чтобы обеспечить себе подобные переживания и в надвигающейся новой мировой войне.

АНГЕЛ МИРА ПО-ЯПОНСКИ

На фотографии — японский бравый полковник Инутцо. Он один из командиров морского десанта, высаженного в Шанхае. Вот он стоит перед вами с саблей наголо, пропуская перед собой своих солдат. Прямо удивительно, сколько мощи и гордой уверенности в этом японском офицере, когда он принимает парад своих частей в беззащитном китайском городе!

ДОБРАЯ СТАРАЯ АНГЛИЯ

Все попрежнему в доброй старой Англии. Как и сотни лет назад, судьи после долгих вакаций, за вершившихся торжественной обедней, участвуют церемониальном шествии. Их костюмы, их парики, их величавое спокойствие нисколько не изменились за последние несколько сот лет. И только разгоны антифашистских демонстраций, аресты антифашистов и избиение их в полицейских участках заставляют слегка призадуматься певцов английской старой демократии. Впрочем, все это меньше всего волнует величавых английских судей.

О ФАШИСТСКОЙ СПЕЦОВКЕ

Эти черные балахоны, маски, колпаки и прочие предметы первой необходимости обнаружены американской полицией при обыске в квартире члена фашистского «Черного легиона» мистера Джексона. На первый взгляд кажется излишней бьющая в глаза декоративность спецодежды американских фашистских молодчиков. Обыкновенный коричневый мундир германского фашиста наводит на мирного обывателя, во всяком случае, не меньший ужас нежели помпезные облачения члена «Черного легиона». Кое у кого может кроме того возникнуть недоумение: зачем носить эти явно негигиеничные маски, когда члены «Черного легиона» большей частью всем известны и действуют обычно совершенно безнаказанно? Но дело в том, что этот маскарадный наряд позволяет судьям сказать, что из-за маски, дескать, нельзя было выяснить личность фашистских убийц и налетчиков. Аналогичные соображения выдвигаются, как известно, при примерно таких же обстоятельствах председателем Комитета по невмешательству лордом Плимутом.

КРЕСТОМ И БОМБОЙ

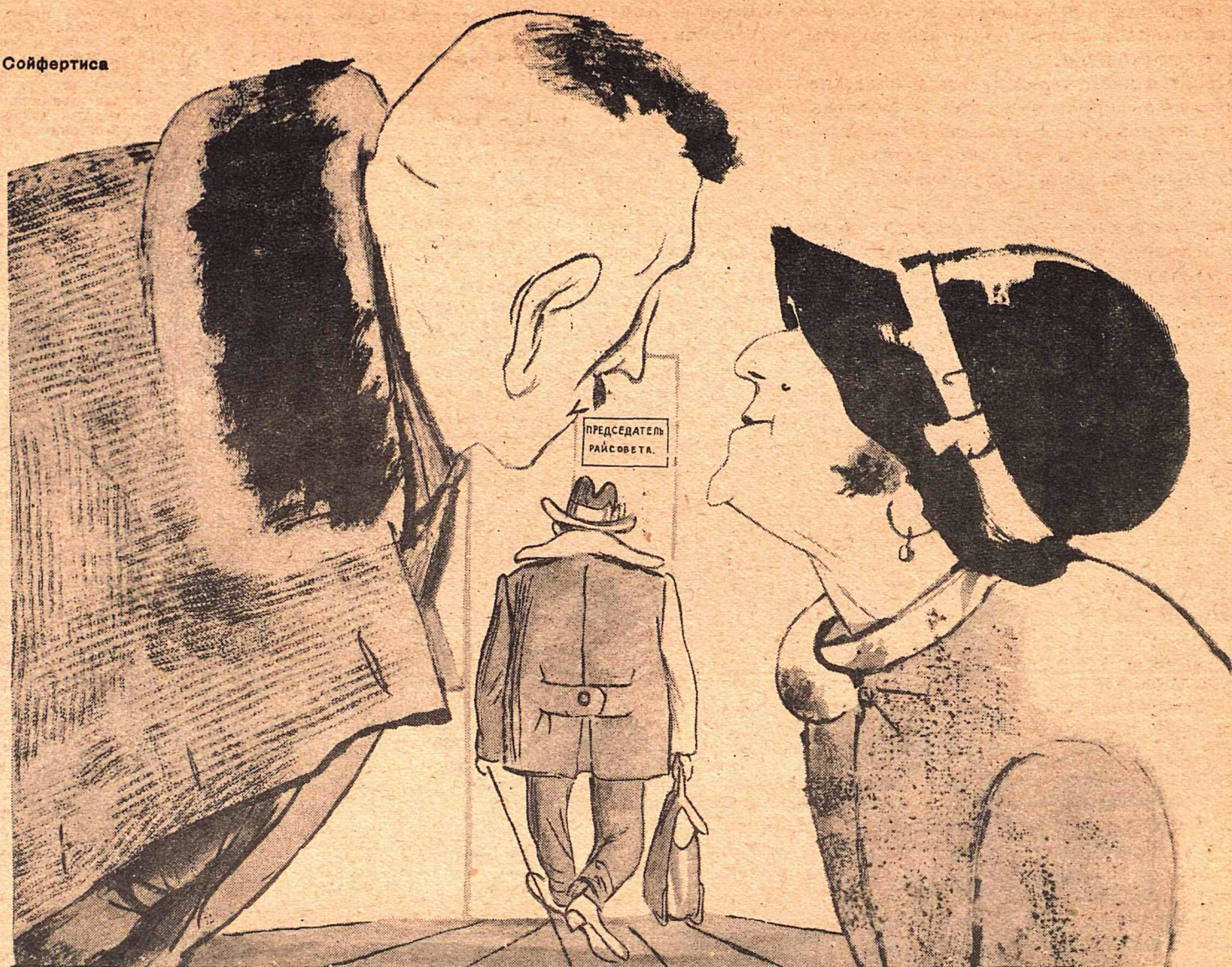

В то время как в Рурской области пушечные заводы Круппа лихорадочно работают для нужд вооруженной интервенции в Испании и захвата испанской Северной Африки, тишайший прусский монастырь готовит елейную армию миссионеров для проповеди «слова божия» в Центральной Африке.

На снимке: торжественная процессия в монастыре.

Когда «святые отцы» завершат в Центральной Африке свое дело для закрепления и развития успехов своей работы, туда придут крупновские пушки. Все это вместе взятое называется германской колониальной политикой.

Рис. Л. Сойфертиса

— Безобразие! Мы пять дней председателя горсовета дожидаться не можем, а этот гражданин к нему без очереди лезет!

— Тс! Это сам председатель и есть.

ГОЛУБОЙ ФАСАД

Есть такой город — Болотинск. Так вот я и есть из Болотинска. Хочу вам сказать несколько слов об этом городе и его окрестностях.

Начну с окрестностей. Ничего плохого о них сказать не могу. Ни к чему не придерешься. Приятные окрестности.

Правда, цитрусов никаких там не произрастает. Но во всем прочем — ничего, подходяще.

Елочки симпатично зеленеют. Кой-где попадается березка. На лугу коровы пасутся. Течет какой-то ручеек; куда течет, не установлено. По вечерам в болотах лягушки о чем-то квакают. Короче говоря, — природа.

А городишко наш, скрывать нечего, будет похуже своих окрестностей. Я людей не касаюсь. Люди у нас главным образом замечательные. Конечно, есть и незначительный процент дураков, но они заметной роли не играют.

Но дома у нас не навевают бодрости. Наблюдается, извините, большая запущенность.

В сухую ясную погоду оно ничего, подходяще. Сидишь у себя на квартире, пьешь, к примеру, чай с печеньем и глядишь ввысь. И вот видишь сквозь потолок небесную синеву и легкрылые облака. Поэзия!

А в непогодь — одна проза. Прямо через крышу и потолок дождевые капли падают к тебе в чай, на печенью, на лысину. От этого получается раздражение и тоска.

Опять же, если с непривычки прогуляться по нашим улицам и проспектам, — не оберешься печали. Смотреть тошно.

Фасады, дьявол их возьми, облуплены, наличники на окнах скошены — и все такое прочее.

Однако должен вас предупредить, что на этой мрачной картине имеется одно живое и довольно светлое пятно. Речь идет о доме с голубым фасадом, что на главном проспекте.

Как это случилось, никто в точности не знает. Но факт остается фактом. Прошлой весной горсовет героическими усилиями отремонтировал этот дом и даже покрасил фасад бодрой голубой краской. Получилось ничего, подходяще.

Мы все диву давались. Отдельные граждане даже специально ходили любоваться роскошным голубым фасадом.

Председатель нашего городского совета неутомимый товарищ Шпак чувствовал себя в положении Александра Македонского. Все же тревога терзала его душу в бессонные ночи. Кому?

Вот вопрос, который лишил его сна и подтачивал аппетит: кому?

Кому отдать этот дом с голубым фасадом? Дашь гордрави — обидится гороно. Дашь гороно — осерчает зем-отдел. Кому же?

Но пришла газета из центра. И в газете передовая статья — о невнимании отдельных местных организаций к суду. Дескать, на суд не обращают никакого внимания. Не создают условий. Судебные камеры в грязных помещениях — и все прочее такое.

И тут товарищ Шпак, как передают очевидцы, сказал:

— Ага!

Короче говоря, дом с голубым фасадом был отдан суду. И товарищ председатель немедленно сообщил в область, что, «выполняя директивы о внимании к суду, лучшее помещение в городе отдано под судебную камеру». Получилось — ничего, подходяще.

Но этак дней через десять в областной газете появилась ругательная корреспонденция о Болотинске. Крылья горсовет за невнимание к школам. Школьные помещения не отремонтированы — и все такое прочее.

И опять товарищ Шпак сказал:

— Ага!

Он немедленно распорядился: переселить судебную камеру в старое помещение, а в дом с голубым фасадом вселить школу-десятилетку. А в редакцию областной газеты написал письмо, в котором признавал свою ошибку и сообщал, что, «выполняя указание газеты, лучшее помещение в городе отдано под школу». Получилось — ничего, подходяще.

Недели через две приехал из Москвы в Болотинск инструктор Осоавиахима. Он пришел в горсовет к тов. Шпаку и обратил внимание товарища Шпака на то, что в городе налицо недооценка оборонной работы, что до сих пор нет помещения для осовиахимовского клуба, что он, инструктор, напишет рапорт в центр...

Слушая его, тов. Шпак подумал:

— Ага! Кампания по школе закончилась. Как видно, намечается новая кампания — о внимании Осоавиахиму.

Председатель тут же распорядился выселить школу в старое помещение, отдать дом с голубым фасадом под осовиахимовский клуб. За сим товарищ Шпак написал корреспонденцию в осовиахимовскую газету о том, что, «принимая во внимание...» и так далее, «лучшее помещение в городе отдано...» и так далее. Получилось — ничего, подходяще.

Вскоре из области получилась строгая бумажка: почему до сих пор в Болотинске родильный дом влачит жалкое существование?

Вам уже без лишних слов понятно, что дальше произошло. Через несколько дней в дом с голубым фасадом вселили родильный дом.

Какое учреждение теперь в этом доме, не знаю. Я уже недели три как приехал из Болотинска. Но мне кажется, там теперь баня, потому что в газетах наднях писали о гигиене.

Вот какой наш город Болотинск! И какие, обратите внимание, у нас умные и энергичные работники, которые ухитряются с одним куском сахара выпить дюжину стаканов чаю.

Г. РЫКЛИН

Некий молодой человек, сидя в гостях и попивая чай с мармеладом, неожиданно скарал, вежливо кашлянув:

— Между прочим, чертей нынче не замечается на Арбате. И ведьмы на помехах чего-то не летают. Вообще плохо стало с нечистой силой, в дефиците она, между прочим.

Гости переглянулись. Хозяин дома крикнул и смущенно пожал плечами.

Девушка с перманентом сказала молодому человеку:

— Что с вами? Не актуальный вы какой-то! Вы бы для развития современную литературу почитали, что ли.

— Как раз ее и читаю, — ответил молодой человек.

— Если б читали, не стали б глупости говорить. На данном отрезке ведьма — не проблема.

— Акурат ведьма — проблема-с, — возразил молодой человек, — если, конечно, она с парашютизмом увязана.

В доказательство он тут же огласил стихотворение Н. Незлобина «Начало сказки», запечатанное в девятой книжке «Нового мира»:

«Гостеприимно и богато
Встречал нас в городе вокзал.
Мы шли по улице Арбату,
И я с улыбкой вспоминал,
Как бабка, в путь нас провожая,
Ругала ветер баловной.

Тогда у бабки были сказки,
Кудели, черти, кутерьма,
Летели на гору салазки,
Неслись по речке терема,
А здесь все просто и открыто.
И до угла и за углом.
Не страшны ступы, ни корыта,
Ни голой ведьмы с помелом».

— Дальше будет еще увлекательней, — сказал молодой человек, — дальше он встретит на Арбате акурат ту самую бабку. Вот извольте-с:

«Идет, вертась промеж машин,
Она, моя печная бабка,
Лишь без седин и без морщин.
— Ты удивляешься, внученок?
Мол, бабка ветхая была.
А я, гляди, из рук ученых
Омоложение приняла.
Давали разные лекарства
В наружном виде и в нутро,
Прошла я дивные мытарства
И вот работаю в метро.
Ужо отужинаем дружно.
Поманем родину добром,
Сейчас-то, видишь, недосужно:
Спешу к пяти на еродром.
Там к счету каждая минута,
Открою тайну по родству:
Хочу взглянуть из парашюта
На лучезарную Москву».

Минут десять огуленные гости молчали, слегка покряхтывая. Потом стали раздаваться возмущенные голоса.

— Слишком много на одну старушку: и омоложение, и парашют, и метро!

— Из парашюта нельзя взглянуть. Парашют — не бинокль.

— Вообще старушкам нечего кидаться с парашютом. Об этом «Правда» писала.

— Что за странный способ омоложения: разное лекарство в наружном виде и в нутро.

— Шел бы ты, Васи, домой, — вдруг тихо сказал хозяин дома чтецу, — полежи, успокойся. Иди, иди, Василий, а то еще опоздаешь на эрот... как его... на еродром.

Молодой человек покраснел и вышел. Одеваясь в передней, он бормотал:

— Ей богу, так и напечатано: «еродром». И про бабку тоже. Стихотворение Незлобина, редактор Гронский.

— Ступай, ступай, Васи, — сухо наставлял хозяин дома. — Уж коли ты такие стишки стал читать, — значит, худо тебе, Васи. Заработался, бедняжка. Садись на ступу № 18 и езжай себе. Товарищу Гронскому там кланяться, на еродроме.

Л.

Рис. Л. Бродаты

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК

— Эге! Значит, скоро, благодарению фюреру, и у моего магазина тоже будет очередь.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Скажи, пожалуйста, где можно найти судью, который осудил бы безобразника, вырубившего 45 молодых березок в искусственно насажденной роще, украшающей наше районное село Сорокино? Наш местный судья Ламакин для этой цели не годится, потому что это именно он порубил себе на дрова указанные выше 45 березок.

Ефим Мальцев
Сорокино, Западносибирский край

Крокодил, милый!

Очень жалко, что в твоей энциклопедии ты не поместил такого словечка:

ПРЕМИЯ. — На 2-м государственном заводе пеньковых и стальных канатов в Одессе премией называются обещанные и не выдаваемые подарки лучшим стахановцам. Обещаны премии были в феврале сего года, на годовщину Красной армии. Не выданы по сей день.

Такое объяснение вполне соответствовало бы истине и очень утешило бы премированных и обиженных стахановцев.

Лейтенант-орденоносец
Оборотов

Дорогой Крокодил!

Не столь давно на прием к заведующему Воскресенским райзо тов. Володину явился неизвестный мужчина в потрепанном зипунишке. Он назвался сельскохозяйственным экспериментатором и заявил, что берется превратить овес в рожь. Восхищенный евангельскими дарованиями незнакомца, Володин тут же написал бумажку в Ачкасовский колхоз с предложением выделить этому гражданину для опыта превращения овса в рожь четверть гектара земли, дать семян и вообще обогреть и обласкачать смелого экспериментатора.

Незнакомец растроганно поблагодарил чуткого Володина, спрятал драгоценную бумажку в боковой карман и ушел.

Вскоре после его ухода чуткий заведующий воскресенским райзо под влиянием посторонних людей ощутил в

себе клокотание запоздалой бдительности.

Вслед за незнакомцем полетел конный с приказом — догнать и отобрать выданную грамоту.

Конный догнал и отобрал. Смелый экспериментатор оказался попом, побывавшим в ссылке за какие-то темные делишки. Превратить овес в рожь на этот раз ему не пришлось, но экспериментально доказать притупление бдительности у ответственного районного работника удалось вполне.

В. Фомин
Кривякино,
Московской области

Дорогой Крокодил!

Я изобретатель. Изобретателем меня сделала наша городская аптека, в которой нет зубных щеток, но есть щетки сапожные. Сгорая от желания почистить зубы, я изобрел вот что: собрал я небольшую артель в двадцать человек, все мы сложились и купили себе одну сапожную щетку. Потом распилили ее, подстригли на ней щетину и чистим зубы, как умеем. Как ты думаешь, дадут мне патент на это изобретение?

Л. Барсуков
г. Ташауз, Турк.ССР

Уважаемый Крокодил!

В старом анекдоте некто рассказывает, как делают лущку: «Берут дыру и обливают ее чугуном». Примерно в таком же дыро-чугунном духе дает техническую информацию тамалинская районная газета «Организатор». В № 129 этой газеты напечатана заметка о том, что «тамалинский элеватор приступил к строительству силосной рейки для сыпки и хранения зерна. Вместимость силосной рейки — 5 вагонов зерна».

Буквально все переврано в этой маленькой заметке. Тамалинский элеватор расширяется, причем главный корпус будет иметь силосы, т. е. глубокие колодцы, сделанные из деревянных брусков. Вот эти-то бруски и называются силос-

ными рейками. Они, следовательно, не могут обладать ни «вместимостью», ни, тем более, вместимостью. Вместимость же каждого силоса — 14 вагонов пшеницы. Интересно, на сколько неграмотных заметок рассчитана вместимость газетной полосы «Организатора».

Инж. Зайцев
Саратов

Дорогой Крокодил!

Бывает, что когда младенец тянется ручонкой к усам своего папаши, добрый папаша вдруг твякает:

— Гам, гам!

Младенец сперва пугается, потом понимает, что папочка пошутил, и весело и раскатисто смеется на руках у доброго, нестрашного своего отца.

Однако в общественной жизни так шутить не очень уместно. А вот начальник спецотдела Первомайского райсовета в Москве тов. Губанов так же, как и добрый папочка, любит слегка пугнуть. 19 сентября ко мне как председателю домоуправления пришла от тов. Губанова бумага о том, чтобы я явился 23 сентября к 15 часам в райсовет. «В случае неявки, — гамкал тов. Губанов, — вы будете привлечены через адм. органы».

В 3 часа я был на работе. В 5 часов зашел к тов. Губанову, не застал его и пошел домой. С тех пор прошло два месяца, но никакие адм. органы никуда меня не приводят. Очевидно, тов. Губанов пошутил как добрый папаша, пугнув меня адм. органами, а теперь дает мне возможность весело и раскатисто как младенцу смеяться. Так и запишем.

Председатель правления жакета № 99, токарь Платонов

Уважаемый Крокодил!

У нас в Сычевке действует постановление районного исполкома, карающее штрафом до ста рублей или принуди-

тельными работами до двух недель лиц, уклоняющихся от прививки оспы.

Три раза я носил своего ребенка в Детскую консультацию на прививку, и три раза оспа не прививалась. Как мне объяснили, «детрит оказался плохой». Таким образом мой ребенок очутился в числе лиц, «уклонившихся от прививки». Объясни, пожалуйста, уважаемый Крокодил, кто теперь должен платить штраф или отбывать принудительные работы: я или заведующий районным здраводелом Полканов?

И. Воронцов
Сычевка,
Западной области

Дорогой Крокодил!

Даже прославленные следопыты Дворца труда, храбрые исследователи его бесчисленных коридоров и тупиков, не могли указать мне, где находится «ЦК земской промышленности», о существовании которого я узнал из письма Московской областной конторы Госбанка № 398/К, подписанного ликвидкомом Октябрьского отделения Госбанка. Может быть, ты знаешь, где находится и кого объединяет на двадцатом году революции этот таинственный ЦК? Неужели... земских начальников?

И. Герасенков
Москва

Дорогой Крокодил!

Не можешь ли ты нам сказать, когда будет ходить скоростной поезд по дороге им. Дзержинского (быв. Курская)? Мы ждем этого поезда потому, что у нас в районном центре — слобода Белая, Курской области — нет своих бань, и жители все равно принуждены выезжать в другие районы. Но во Льгове, в Судже, в Ракитном бани тоже не всегда открыты, не всегда есть вода и т. д. Вот нам и пришлось в голову ездить мыться в Москву, где, вероятно, с банями не так туго. А тут без скоростного поезда не обойтись.

С. Капустин,
А. Сидорова
Слобода Белая

На кладбище буржуазных свобод

Рис. А. Каневского

- Представьте себе, Пятаков засыпался.
- А он что, ваш знакомый?
- Больше. Сослуживец по Гестапо.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ОРЛЫ КИЕВСКОГО ЗООПАРКА

Можно предположить, что у дверей директора Киевского зоопарка толпятся сотни граждан, стремящихся всучить ему орла, а директору уже этих орлов девать некуда. Только это и можно предположить, потому что, когда один колхозник Ляховецкого района, Шепетовского округа, поймал огромного орла — бурого грифа — и предложил зоопарку купить пернатого хищника, директор зоопарка ответил так:

«Дирекция Киевского зоопарка сообщает, что она согласна приобрести бурого грифа и колхозник может его прислать по почте в посылке».

Нет, что и говорить, мельчают нынче бюрократы! Не тот нынче бюрократ пошел! Что бы им стоило предложить прислать орла по телеграфу или, предположим, по радио. Это так же невозможно, как и послать его в почтовой посылке, но зато какой размах, какой блеск!

ПОСМЕРТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ Н. КИРЬЯНОВА

Тяжелая драма произошла 19 октября в семье гражданина деревни Гридинской Николая Ивановича Кирьянова. Он поссорился с женой и решил покончить самоубийством.

Как сообщает орган Вожегодского райкома ВКП(б) газета «Борьба» в номере от 31 октября, гражданин Кирьянов, придя к своему роковому решению,

«на сарае сделал из веревки петлю и повесился. О случившемся увидели колхозники, тот час же обрезали веревку и вывели Кирьянова из петли уже мертвым».

В другом месте спасовали бы перед совершившимся смертным случаем и малодушно побежали бы хлопотать насчет похорон. Но в деревне Гридинской, если верить газете «Борьба», распоясавшуюся смерть крепко ударили по рукам:

«Благодаря быстро оказанной медицинской помощи Н. И. Кирьянов был приведен в сознание. Сейчас пострадавший от своих рук чувствует себя нормальным».

Таким образом, в данном случае одновременно налицо и единственный в истории медицины факт воскрешения из мертвых и, к сожалению, далеко не единственный в истории цитируемой выше газеты случай выдающейся безграмотности и безответственности ее ответственного редактора Я. Рыжова.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ В СТЕПЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ДРОФ

Поздравляем газету «Социалистический Донбасс» с удачной попыткой возрождения полузабытого сейчас жанра охотничьих рассказов. Для начала газета выбрала довольно удачную для этого вида художественного творчества заметку: «Тысяча дроф охотника Захарова». Из нее читатели с веселым изумлением узнают, что

«особый успех имели охотники Сталинского района, бывшие дроф у балки Широкая. Рекордную цифру дал рабочий Сталинского завода тов. Захаров, убивший за это время (два месяца) ДО ТЫСЯЧИ ДРОФ».

Дрофы — самые крупные сухопутные птицы Европы и достигают весом до 16 килограммов. Умножаем 16 на 1000. Получается 16 000 килограммов, то есть ровно вагон дичи. Делим произведение на шестьдесят дней, и тогда получается, что в среднем, охотясь без выходных дней, охотник Захаров должен был бы ежедневно убивать без малого семнадцать пудов дичи.

Нам кажется, что тов. Захаров в этой дичи неповинен. Повинен в этой несусветной дичи репортер «Социалистического Донбасса»: спутал с не столь большой птицей — перепелкой.

ОГНЕМ И МЕЧОМ

Строительные работы на Никопольском трубном заводе производят подрядным способом трест Днепропромстрой. Это сильно огорчает директора завода, боевого хозяйственника тов. Брачко. Брачко хочет строить сам. Хозяйственным способом. И 23 октября тов. Брачко недругнувшей рукой подписал приказ № 273, который переключается с лучшими, классическими образцами военных воззваний, как-то: «Ребята, не Москва ль за нами, умремте ж под Москвой» или «Солдаты, сорок веков глядят на вас с высоты этих пирамид» и т. д. и т. п.

Приказ № 273 по Южнотрубному металлургическому заводу в городе Никополе был краток:

«Подтверждаю мой приказ от 21 октября с. г. за № 272 об окончании 100 м³ компрессора хозяйственным способом.

В случае нежелания Днепропромстроя сдать эти работы ОКСу, немедленно ПРИКАЗЫВАЮ: **ВООРУЖЕННОЙ СИЛОЙ ОТСТРАНИТЬ Днепропромстрой и закончить и пустить компрессор согласно моего приказа № 272.**

Директор завода Брачко».

Очень интересный приказ! Пусть все о нем знают. Жалко только, что в нем нет еще одной фразы, которая, ну, просто, напрашивается: «Пленных не брать, а расстреливать на месте». Воевать — так уж воевать!

ТРУДНОСТИ АЛЬПИНИЗМА

Альпинизм — заманчивый, но довольно трудный вид спорта. Не каждый способен взойти на снежную вершину, одолеть крутой пик, взять штурмом ледяную стенку. Однако альпинистам приходится иногда встречаться с трудностями и другого порядка.

СРЕДИ УЧИТЕЛЕЙ

Рис. Л. Генча

—У меня всего десять нагузков.
—А воспитание детей входит в это число?
—Конечно. Это у меня—как раз десятое дело.

Альпинисты харьковского завода Электростанок вышли на октябрьскую демонстрацию в общегородской колонне альпинистов. Это почему-то страшно обидело и огорчило председателя заводской октябрьской комиссии тов. Абрамова. Он объявил поступок заводских альпинистов антиобщественным и в наказание лишил их билетов на общезаводской вечер. Все попытки образумить Абрамова оказались тщетными.

Из практики альпинизма известно, что особенно досаждают альпинистам при восхождении на вершину гладкие круглые камни, называемые «бараньими лбами». Но, как видно, «бараньи лбы» встречаются не только на горных склонах.

РАЗУМНО ИСПОЛЬЗУЕМ ХУДОЖНИКОВ

В № 129 «Красной газеты» мы с удовольствием прочли хорошую передовую, посвященную испанским событиям. Особенно нам понравился следующий абзац:

«Бойцы народного фронта защищают Испанию Сервантеса и Леонардо да Винчи, Испанию Веласкеса и Мурильо».

Прочитали мы эту фразу, и очень она нам понравилась. А потом задумались. Действительно ли Леонардо да Винчи — испанский художник? Итальянец он, товарищи из «Красной газеты», итальянец! Так что в процитированном выше абзаце он не при чем.

А если уже очень хотелось похвалиться написать про Испанию, можно было вспомнить знаменитых испанских художников Эль Греко, Гойа, Зурбарана и других.

Тогда товарищи из «Красной газеты» и образованность свою показали бы и конфуза избегли бы. Деликатная она штука, образованность.

Редактор—НИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ожеди. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 1151

Сдача текста и рисунков 7/ХІІ—36 г.

Подп. к печати 13/ХІІ—36 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоченный Главлита Б—32043

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2629

Тираж 266 000

50

✓ М 8560

25 Дек. 1936

Фотомонтаж Б. Клиича

Собр. архивов
20 Дек 1936
Вос. Ин. П.

Место под солнцем.